

УДК 81.367.622.12 + 81.373.231 + 811.511.1

Статья

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АНТРОПОНИМИКОНЕ КАРЕЛИИ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА¹

Кюршунова Ирина Алексеевна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

кандидат филологических наук

доцент кафедры русского языка филологического факультета, ПетрГУ.

Аннотация. В статье подвергаются анализу антропонимы, зафиксированные в памятниках письменности Карелии донационального периода, с точки зрения отражения контактов разноэтнических народов. Выявляется специфика, определяется уникальность ономастикона полиэтнического региона на уровне структуры именования, особенностей вхождения разноплановых антропонимических единиц в ономастическую систему XV—XVII вв., проявления особенностей взаимодействия на формальном уровне и т. д. Устанавливается влияние «правил» составления русскоязычных и шведских деловых документов на корректность отражения в ономастике специфики взаимодействия славян и прибалто-финнов.

Ключевые слова: историческая антропонимия; языковая интерференция; ономастическая система; специфика ономастических единиц.

Территория Карелии издревле испытала на себе мощное взаимовлияние прибалтийско-финского, саамского и славянского этносов. Следы этих контактов нашли отражение в местной лексике — апеллятивной и ономастической.

В статье представлен анализ взаимоотношений, который нашел отражение в антропонимии Карелии XV—XVII вв. Объект исследования — официально-деловые источники — писцовые, дозорные, переписные и поземельные книги на русском и шведском языках, близкие по целям составления — выявление и фиксация налогоплательственного населения.

Русско-прибалтийско-финские антропонимические взаимные отношения уходят в средневековье и в основном связаны с христианизацией карел в начале XIII века.

¹ Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14)

Исследуемые региональные документы XV—XVII вв. показывают, что к XV веку по всей Руси календарный именник завоевывает все большее функциональное пространство. Даже периферийные регионы, каким и была территория Карелии, испытывают влияние христианства. Хотя именно отдаленность от центра была той причиной, по которой смена религиозной формы освоения человеком мира через имя не имела той интенсивности, что на других территориях, ср. с записью 1597 г. «на Куйто ж озере живут по лесом *лопарь крещенные и некрещенные*» (п. Панозерский) [14: 214].

«Языческий консерватизм», связанный с функционированием исконно славянских имен, на периферии длился значительно дольше. Поэтому на общем календарном фоне в документах особо выделяются некалендарные имена, прозвища и неславянский именник.

Носителями исконно славянских именований было 11,5 % человек. Неславянский именник в количественных показателях на фоне календарного также выглядит немногочисленным.

В нем выделяются единичные тюркские имена, проникшие в региональный антропонимикон через Новгород, Псков и другие центры древней Руси (типа **Бекет, Булат, Бусурман, Казарин, Казаринко, Кудаш, Курбатко, Муратко, Рахманин, Ташлычко, Чубар, Чумбур** и др. — всего 60 антропонимических единиц). Эти имена большей частью носили сословный характер. При практически подавляющем большинстве крестьян, чьи имена составляют основу ономастикона Карелии, носителями тюркских имен были прежде всего лица, имевшие статус: служителей церкви (дьяки, подьячие, дьячки, игумны), писцов, боярских детей, помещиков, воевод, земцев. Это дает возможность для антропонимической системы Карелии XV—XVII вв. поставить имена с тюркской основой в разряд «чужих» именований.

С другой, в ономастике Карелии достаточно ярко проявляется прибалтийско-финская составляющая — чуть более 400 именований в русскоязычных документах имеет прибалтийско-финскую основу (на ≈ 650 носителей).

См. в таблице предварительные подсчеты по процентному отражению имен с прибалтийско-финским маркером по погостам Обонежской пятины 1563 г.

Таблица 1

Функционирование прибалтийско-финских имён в документах Обонежской пятины

Толвуйский	5,09	Шальский	1,38
Остречинский	3,26	Андомский	1,36
Олонецкий	3,25	Водлозерский	1,25
Ярославический	3,2	Оштинский	1,01
Выгозерский	2,9	Кижский	0,98
Шуньгский	2,69	Мегрежский	0,91
Оятский	2,46	Пудожский	0,91
Шуезерский	2,3	Челмужский	0,83
Важинский	2,24	Вытегорский	0,4
Пиркинический	2,09		2,03

Как видим, наиболее «неславянским» является «русский» на то время Толвуйский погост в Заонежье, а средняя цифра носителей именований с прибалтийско-финским маркером по разным погостам Обонежья (чуть более 2%), безусловно, не отражает реальную картину.

Поскольку разного рода переписи составлялись новгородскими, позже московскими писцами, то предполагаем, что составители могли представить в документе не реально функционировавшее в обиходе имя прибалтийско-финского или саамского происхождения, а

календарное имя в адаптированной на тот момент русскими форме. Возможно, именно поэтому в Паданском погосте (где проживали карелы) из почти 200 именовании только одно имя — **Еглуй** — имеет признаки прибалтийско-финского происхождения. А на все Лопские погосты, описанные в 1597 г., приходится 70 именовании такого типа.

Подобное наблюдаем в составлении документов по Кексгольму. Так, в 1590 г. практически все патронимы имеют формант **-ss(on)**. Он отмечен и при именовании, характерных для неславянского ономастического (Marthin Jortkass [20: 270]), и при именовании, употреблявшихся преимущественно в русской календарной системе (Jfuan Melentiess(on), Kuisma Wasilies, Michitta Dementiess [20: 265, 268, 271]), и даже некалендарной (Jstoma Höckess(on) [20: 265]). Можно предположить искусственную замену «чужих» формантов «своими». Косвенным подтверждением может служить сопоставление компонентов имен одного и того же человека, упоминаемого в документах разных лет, ср.: в Угнемском погосте зафиксированы: Senka Nasarin**poika**, 1618 [21: 336] — Sentka Nazariof, 1631 [22: 467] и Zenca Nazarief / Сенка Назарьев, 1637 [26: 153 / 553]; Peter Kuikan**en**, 1631 [22: 464] — Petari Kuik**in** / Питарко Куйкин, 1637 [26: 148 / 549]; Anders Sigfredsson, bobull, 1631 [22: 466] — Anti Sichwon**en**, bobell / Анты Сигвоев, бобыль, 1637 [26: 183 / 580]; Hans Michell**sson**, 1631 [22: 459] — Hannus Mikilan**poika** / Ганно Миккилиев, 1637 [26: 162 / 561] и т. д. Примеры показывают, что писцы ощущали соотносительность патронимных формантов: шведского **-son** (**-zon**), **-ss** (**-on**), финского **-poika** или **-nen**, русских **-ов(-ев)**, **-ин**, но использовали тот, который был характерен для их ономастической системы.

Такие факты дают основания для предположения, что осмысление многих актуальных вопросов исторической антропологии региона следует решать в территориально-социальном плане. Кроме того, древние контакты славян и прибалто-финнов на территории Карелии не дают возможности однозначно решить, какие имена — со славянской или прибалтийско-финской основой — в данном случае несут признак «чужого» имени и можно ли в данном случае вообще говорить о «чужих» именах? Вероятно, ответ на данный вопрос следует связать с расселением русских и карел, вепсов, финнов (а также и саамов) на территории Карелии и учесть, что имелись погосты с преимущественным русским населением или, напротив, с карельским, вепским, а на западе — финским.

О тесном переплетении русских и прибалто-финнов, саамов свидетельствует и структура именовании. Это так называемые «гибридные именовании», когда в структурной формуле соединяются разнотипные элементы: исконно-славянские некалендарные личные имена и прозвища, календарные русифицированные имена, прибалтийско-финские имена и образования от них. См. примеры из русскоязычных документов: Григорей Кенгуй, Выгозерская и Сумская вол., запись, 1558; Нечай Иванов сын Пергуев, купчая, 1572; Шойкуй Конан, духовная, 1581 [19: 187, 271, 277]; Феофанко Келас, п. Важинский, 1582/83 [23: 96]; Истомка Речкуй, п. Шуезерский, 1597 [14: 212]; Кукой Исаков, п. Олонецкий, дело, 1675 [17, 226] и т. д.

В документах Кексгольмского лена также представлен разноязыковой синтез в структуре именовании. Ср. в документах 1637 г. записи жителей разных погостов: Коккой Сидоров, бобыль / Cackoi Ziderof, п. Шуйстомский [26: 320 / 702]; Первушка Ковкупяев / Pärwoi Koukupää, п. Тиврольский [26: 60 / 461]; Васка Курги, бобыль / Waska Kurki, bobell, п. Угнемский [26: 151 / 551]) и т. д. В структуре этих и подобных им именовании соединились неславянские и славянские (календарные и некалендарные) компоненты.

Самая распространенная модель именовании, где один из компонентов имеет неславянское происхождение, построена по формуле: календарное имя + прибалтийско-финское имя или патроним от него. Предполагаем, что носителями таких имен были прежде всего предста-

вители неславянского населения средневековой Карелии, поскольку основы таких именований имеют прибалтийско-финское, саамское происхождение и не отражены в апеллятивной диалектной системе русского языка: (**Товкой** Литвин, п. Важенский, 1563 [24: 88] и *фин. toukka* ‘личинка, гусеница, червячок’, *карел. towkku, toukku* ‘личинка овода, гусеница’ [27, 385] или с *карел. towkku* ‘вьюшка, на которую наматывается пряжа с мотовила’ [там же]).

Именования, где все компоненты имеют прибалтийско-финские основы (**Тоивод** Идуев, XV [19, 120]), единичны. Исключением (условно) можно считать однокомпонентные именования типа **Кемкуй, Мушкуй, Парандой, Пипуй, Рагуй, Ребуй, Сипуй, Толкуй, Удой** (около 20), которые при небольшой плотности населения, а также при развитой уже к тому времени тезоименности среди календарных и некалендарных имен¹ выполняли основную функцию именования — идентификации и индивидуализации лица. Эти имена и конструкции такая же специфическая часть русскоязычного ономастикона, как некалендарные имена или трехкомпонентные модели именований для документов, составленных на шведском языке. См. примеры функционирования некалендарных личных имён в Кексгольмских документах: 1618 г. — **Jstoma Danilofz, Perwuscha Semenof, Possdäk** Puskin и т. д. [21: 329, 360, 322]; 1631 г. — **Drusentka Mijnin, Netzaiko** Iuanoff, **Sdanko** Basanoff и т. д. [22: 461, 547, 550, 533]; 1637 г. — Меншик Кирилов / **Mänsika Kirilof**; Пятой Веселой, бобыль / **Petoy Wöseloy bobell**; Томилка Онтонов / **Tämilka Åntonof** и т. д. [26: 115 / 520; 355 / 733; 54 / 465].

Большая часть некалендарных личных имен Кексгольмского лена фиксируется в погостах, в недалеком прошлом принадлежащих Руси: Сортавала, Салми, Куркийоки, Тиурала. Кроме того, такие имена, как **Butko, Stramiko** [21], **Budilko, Buraiko** [22], **Бояринко / Bogarin, Позорко / Possorko** [26] вообще отсутствуют в русском ономастиконе Карелии XV—XVII вв., что еще раз служит подтверждением нашего предположения о том, что при переписи жителей Водской пятины московские писцы могли заменять не только имена с прибалтийско-финской основой, но и некалендарное имя на календарное, как это требовали к тому времени церковные правила.

Что касается трехкомпонентной модели, отмеченной при именовании лиц в документах Кексгольма, то здесь безусловно влияние русской ономастической системы.

Особенно показательны те случаи, где трехкомпонентная модель используется для именовании лиц явно не относящихся к славянскому населению. Ср. в 1637 г.

Таблица 2

Сопоставление трехкомпонентных моделей именований
в документах Кексгольмского лена

Шведская часть	Русская часть
Olli Häjckinpoika pakar, Bobell, Kulän järwi	Оллы Гейкиев Паккар, старинной бобыль, живет у Маттыя Гейкиева, д. Кюлянярви
Chrisier Laurinpoika Kerojnen, Hidoola	Ристо Лавриев Куронен, д. Гидола
Per Tommossohn Rigonen, Worno Eya	Питар Томошов Риконен, д. Вомооя
Olli Bäntinpoika Karialajnen, Wallwoia	Оллы Бентиев Карелайне, д. Валдоля
Peter Ollinpoika Pellkon, Wäyala	Питар Оллыев Пелкуне, д. Вейяла
Tomass Eskilssohn Iijass, Ängilä	Томаш Эшкелев Иякшов, д. Энгила

и т.д.

¹ Тезоименность в именнике прошлого была развита не только среди календарных имен, (частые имена в памятниках Карелии **Иван, Федор, Василий, Григорий, Семен, Петр, Яков, Матвей, Степан, Тимофей**), но и некалендарных (**Нечай, Третьяк, Поздей, Истома, Первой, Меньшой, Ушак, Ждан, Вешняк, Малой** и т. д.).

Хотя чаще именованиям, построенным по трехкомпонентной модели в русской части, соответствуют обычно двухкомпонентные имена в шведской. Ср. данные по Тиврольскому погосту, приведенные в таблице:

Таблица 3

Сопоставление структурных моделей именования в документах Кексгольмского лена

Русская часть	Шведская часть
Томош Кнуттеев Карванен, д. Райваттара	Tomas Nuttinen, Raywatala
Матты Маттеев Сизий, д. Ивванкошки	Matti Mattinpoika, Iwan Keske
Гейки Шунин Ламонен, д. Гавканвара	Häjcki Suninpoika, Hauskan-vara
Матты Гейкиев Келлер, д. Кокшезеро	Matti Häjckinpoika, Kexa Järwi
Питарко Антеев Позика, д. Кокколя	Peter Antinpoika, Keckola
Микке Оллеев Мюгря, д. Гидола	Mickill Ollinpoika, Hidoola
Бенти Гейкиев Лукконен, д. Вомооя	Bänt Häjckinpoika, Womo Eya

и т.д.

Носителями данных имен, думается, было неславянское население Кексгольмского лёна (исключения единичны: *Степанко Иванов Толмачев*, д. Сирижярви, он же — *Stepanko Iwanof*, Sarijss Järwi [26: 4766 / 66]; *Оска Микитин Моштокулков*, д. Отоншой, он же — *Åska Mikitin*, Ayton Soo [26: 465 / 54].

Как правило, в шведской части отсутствует третий компонент именования, который в русской части выполняет функцию дополнительной идентификации лица, представляя собой прозвище или фамильное прозвание. Использование третьего компонента в русской части обуславливается требованиями ономастической системы, дополнительный компонент именования используется при самых частых именах, чтобы избежать тезоименности.

Перейдем к анализу основ именований с прибалтийско-финской основой, который показал, что мотивом именований являлись морально-этические, физические характеристики человека, его социальное положение, род деятельности, местожительство, все те универсальные мотивы, которые свойственны любому ономастикону. Ср.: Иван **Вайгач** Васильев сын, данная, 1581 [11: 156] и в карельском языке **vaikas** ‘молчаливый человек’ [27: 411—412], в фин. **vaitelias**, **vaisu** ‘то же’ [12: 692]; Якуш Гукоев, 1563 [24: 162] и карел. **hukku**, фин. **hukka** ‘волк’ или **hukku** ‘глупыш, несмышлениш’ [27: 76; 12: 124]; Иванко Куйва, 1563 [24: 144] и фин. **kuiva** ‘сухой’ [12, 270]; в карел. **kuivacin** ‘сухой, худощавый’ [22: 161]; дер. Кокатовская **Кулгино**, 1582/83 [23: 247] и в карел. **kulgo** (неодобр.) ‘о бродяге’ [27: 163], а также **kulgie** ‘идти медленно, плестись; слоняться’ [27, 162]; Тимошка Ондреев **Мустоев**, 1563 [24:194] и карел. **musti** ‘черный’ [27: 215], фин. **musta** ‘то же’ и т. д.

Носителями данных имен были, вероятно, карелы, вепсы, саамы, финны, использование данных имен русскими можно признать с очень большой долей условности.

Русские пришли в Карелию в разное время различными колонизационными потоками. Несмотря на то, что волна славянского заселения Русского Севера была достаточно мощной, русские, попав в иноязычное окружение, также испытали на себе влияние прибалтийско-финских языков.

Прежде всего русские заимствовали неизвестные им ранее названия предметов, явлений, промыслов, животных¹. Адаптация этих заимствований соотносится со временем вхожде-

¹ Тематические группы заимствованной прибалтийско-финской, саамской лексики подробно описаны в работах А. С. Герда [1], А. Г. Гусевой [2], А. К. Матвеева [3], Л. П. Михайловой [4], С. А. Мызникова [5], А. И. Попова [6], И. В. Сало[7], А. И. Федорова [9] и др.

ния их в лексико-семантическую систему принимающего языка. Лексемы прибалтийско-финского происхождения отражены в памятниках письменности донационального периода и сохранились в лексике русских говоров, став ее неотъемлемой составляющей. Слова **кережа, кубас, лембой, мошник, мянда, ригача** и др., отмеченные в основах именований жителей Карелии в прошлом, представлены в документах XIV—XVII вв. и в современных русских говорах (в том числе и русских говорах Карелии)¹. Так, патроним Конжиев (Назарко Конжиев, п. Вытегорский, 1582/83 [23: 267]) и известное саамским диалектам слово *koandzai* ‘вид моржа’ [31, 2: 310] и древнерусское *конжей* (*конжуй, кончуй*) — ‘шкура тюленя-детеныша’ [30, 7: 276], а также диалектное *конжа, конжей* — ‘детеныш тюленя со второго месяца после рождения до конца мая; пестрый’ кем., ‘детеныш тюленя, уже не сосущий мать’ мезен. [28, 2: 414; 25: 70]. Предполагаем, что носителями таких имен могло быть как русское, так и прибалтийско-финское население края.

При этом осмысление свойств новых реалий, сопоставление с близкими в функциональном плане предметами, объектами привело к тому, что заимствованное еще на до-ономастическом уровне слово включилось в новую для себя модель смысловых отношений, хорошо отработанную в принимающем языке. Так, прозвище *Кубач*, 1496 [24: 26] восходит к нарицательному *кубачь*, отмеченному в памятниках письменности в значении ‘сноп; большая связка соломы из нескольких обмолоченных снопов’ [30, 8: 102], это значение известно и современным говорам — прион., медв., кондоп. Карелия; онеж. КАССР, новг., пск., ленингр., калин. [29, 15: 380; 28, 3: 45]. Слово заимствовано из карел. *kubo*, фин. *киро* ‘сноп, связка’ [31, 2: 395—396]. Думается, что мотив именования следует связывать с переносным значением, которое, вероятно, развилось на русской почве по уже имеющейся модели ‘*большой округлой формы предмет*’ → ‘*человек (полный, неповоротливый)*’, ср. *кубач* — ‘о неповоротливом, неуклюжем человеке’: «Такой он был, что *кубач* соломенный, неповоротливый» *пест.*, *кубача* ‘полная женщина’: «А Марина вышла замуж, вон *кубача* какая», прион. Карелия [18].

На давнее вхождение слов в систему северного диалекта указывает грамматическая структура укоренившихся апеллятивов: они построены по типу слов мужского и женского рода русского языка и как следствие именования на *-уй (-ой)* и патронимные формы, образованные на их базе, единичны (*Керчуй*, **Лембой* (← *Лембоев*) или имеют параллельные варианты на *-ов (-ев), -ин*: (*Гуйкоев* / *Гуйкин*, *Корбуев* / *Корбин*, *Пажуев* / *Пажин*).

Некоторые основы именований под влиянием русского языка претерпели значительные изменения, совпав с известными русскому языку апеллятивами. Так, прозвище *Рогач* (ср. Федко *Рогач*, п. Оштинский, 1496 [24: 35]), вероятно, следует связать с нарицательным *рогач* ‘упрямый человек’, без указ. места [13, 4: 100]. Возможно, имеется связь с *рогать* ‘задевать, обижать, оскорблять, беспричинно кого-л.’ *лод.* [28, 5: 539]. Однако в документах зафиксирован Иван Степанов *Рогач*, волостной человек, живший в п. Ругозерском в 1597 г. [14: 207]. По мнению Т. В. Старостиной, Иван Степанов *Рогач* — это не кто иной, как легендарный карельский герой *Рогаччу*, прозвище которого писец передал по-русски. Поэтому именование, как считает Т. В. Старостина, восходит к прибалтийско-финским апеллятивам *рокко* ‘торговая похлебка’ или *рокко* ‘оспина’, ‘перенесший оспу’ [8: 84]. На наш взгляд, следует учесть факты финского языка — *rohkea* ‘смелый, отважный, мужественный’ [12: 531], карельского — *rohkei* ‘смелый, ловкий’ [27: 310—311], которые больше подходят в качестве мотива именования легендарного героя.

¹ Лексемы прибалтийско-финского, саамского происхождения настолько укрепились в языковой системе северно-русских диалектов, что не осознаются носителями говоров как иноязычные.

Подобным образом патроним *Копалев* в конечном итоге восходит к апеллятиву *копаль*. Мотив именования прежде всего следует связать с переосмыслением местного *копала*, *копала* 'самка тетерева-глухаря, *Tetrao urogallus*' арх., олон., *копель* 'то же' арх. [31, 2: 317]. Слово заимствовано из карел. *korrala* 'глухарь', фин. *korpelo* — 'то же' или саам. кильд. *киэpel* — 'то же' [31, там же], вепс. *коррал* 'глухарка' [16: 224]. Безусловно, следует учесть и другой возможный мотив именования, который предполагается при сопоставлении антропонима с известным в современных вологодских, а также костромских и ярославских говорах апеллятивом *копаль* в значении 'землекоп, копальщик' [29, 14: 282], а также с однокоренным *копачь* 'землемер' (XVI в.), отмеченным в старорусском языке [10: 127].

В некоторых случаях достаточно трудно соотнести именование с апеллятивом, поскольку сталкиваемся с омонимией, которая произошла при усвоении иноязычного слова русскими. Например, прозвище *Шалга* (Фома *Шалга*, 1553, Строкина пуст.) [15] можно соотнести, во-первых, с диалектным *шалга* — 'жердь в заборе для ловли рыбы' арх., слово заимствовано из карел. *salgo* 'жердь', фин. *salko* [31, 4: 398]. Возможно, на русской почве существовало переносное значение, ср. *шалга*, *шалгач* 'трепач, болтун, бестолковый человек' медв. [18]. Во-вторых, в русских говорах *шалга* — 'большой лес, предназначенный для вырубки; глухой лес, среди которого есть озера' арх., сиб., 'лесистая возвышенность' олон., заимствовано из карел. *selgone* 'большой, безлюдный лес', фин. *selko* 'глухое место', от карел. *selga* 'хребет, кряж' [31, там же]. В-третьих, возможна связь основы именования с *шалгун*, *шелгун* 'котомка' новг., пск., тамб., *шалгач*, *шелгач* 'то же' арх., а также 'две заплечные охотничьи сумки, связанные лямками' арх., заимствовано из карел. *salkku* 'сумка с продовольствием, мешок', фин. *salkku* 'то же' [31, там же].

Рассмотренные имена составляют особую часть антропонимикона Карелии XV—XVII вв. Они имеют узкорегionalный характер и несут в себе следы истории заселения края, следы древних контактов разноразличных народов северного края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А. С. Из истории некоторых прибалтийско-финских заимствований в современной русской ихтиологической терминологии (рипус, ряпушка, лудогa) // Вопросы теории и истории языка. — Ленинград, 1969. — С. 164—170.
2. Гусева А. Г. Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края // Вопросы топониматики. — 1971. — № 5. — С. 86—98.
3. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. Языковедение. Вып. 32. — Свердловск, 1959. — С.
4. Михайлова Л. П. Лексическая интерференция в русских говорах Карелии и прибалтийско-финских языках // Традиционная культура: Общечеловеческое и этническое: Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. — Петрозаводск, 1993. — С. 67—75.
5. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения / Ин-т лингв. исслед. — Санкт-Петербург: Наука, 2003. — 540 с.
6. Попов А. И. К вопросу о древнейших лексических связях между прибалтийскими финнами и славянами // Советское финно-угроведение. — Таллин, 1972. — №2. — С. 85—89.
7. Сало И. В. Некоторые выводы о прибалтийско-финских и саамских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах карельского Беломорья // Советское финноугроведение. — 1966. — Т. 1. — Вып. 2. — С. 91—97.
8. Старостина Т. В. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. о герое народных преданий Иване Рогачу // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников: Тез. докл. и сообщений. — Петрозаводск, 1991. — С. 83—86.

9. Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Дialectная лексика. 1969. — Ленинград, 1971. — С. 219—226.
10. Шкатова Л. А. Развитие ономастических структур : На примере наименования лиц по профессии в русском языке. — Иркутск : Издательство Иркут, ун-та, 1983. — 152 с.

ИСТОЧНИКИ

11. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. : Акты Соловецкого монастыря, 1572—1584 гг. / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. Сост. И. З. Либерзон. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. — 328с.
12. Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь / под. ред. В. Оллыккайнен и И. Сало. 3-е изд., стер. — Москва : Рус. яз., 1999. — 816 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. — Москва : Русск. яз., 1981—1982. — 1995.
14. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. Т. 1. / подгот. к печ. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо ; под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. — Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1987. — С. 186—233.
15. Докучаев-Басков К. А. «Строкина пустыня» и ее чернецы : Опыт исследования жизни монашествующих // Известия общества изучения Олонецкой губернии. — Петрозаводск, 1914. — № 4. — С. 17—32.
16. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. — Ленинград : Наука, 1972.
17. Карелия в XVII веке: сб. документов / сост. Р. Б. Мюллер, под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948.
18. Картотека Лаборатории лингвокраеведения и лингвоэкологии кафедры русского языка филологического факультета. Петрозаводский государственный университет.
19. Материалы по истории Карелии XII—XVII веков / под. ред. В. Г. Гейман. — Петрозаводск, 1941. 440 с.
20. Переписная книга Корельского уезда 1590 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. Т. 3. / подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. — Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. — С. 275—274.
21. Переписная книга Корельского уезда 1618 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. Т. 3. / подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. — Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. — С. 284—387.
22. Переписная книга Корельского уезда 1631 г. Т. 3. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. — Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. — С. 388—568.
23. Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г. Т. 3. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. — Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1993. — С. 35—341.
24. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подгот. к печ. А. М. Андрияшев / под ред. М. Н. Покровского. — Ленинград, 1930.
25. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий. Санкт-Петербург : Издание 2-го отделения Императорской Академии наук, 1885. — 198 с.
26. Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. Т. 2. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. — Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1991. — 758 с.
27. Словарь карельского языка (Ливвиковский диалект) / под ред. И. В. Сало и Ю. С. Елисеева ; сост. Г. Н. Марков. — Петрозаводск : Карелия, 1990. — КРС, Сев.-карел., 188.

28. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. — Санкт-Петербург : Издательство С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
29. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. — Санкт-Петербург : 1965—2010.
30. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — Москва, 1975—2011.
31. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. Москва : Прогресс, 1986—1987.

Irina A. Kyurshunova:

Petrozavodsk state University

REFLECTION OF PROCESSES OF ETHNIC INTERACTION IN ANTROPONIMIKONA OF KARELIA OF THE DONATSIONALNY PERIOD

Abstract: In this article are analyzed anthroponymy recorded in written records of Karelia pre-national period, in terms of reflecting contacts *raznoetnicheskih* peoples. Revealed specificity is determined uniqueness onomasticon multiethnic region at naming structure, features versatile entry anthroponimical units in onomastic system XV-XVII centuries., Manifestations of the features of interaction on a formal level, and so on. D. Fits influence the «rules» of drawing up the Russian-speaking and Swedish business documents correct reflection of the specificity of the interaction Onomastikon Slavs and Balts, Finns.

Keywords: historical antroponimiya; language interference; onomastichesky system; specifics onomasticheskikh of units.